W 51/139

ПАМЯТИ

ЦАРЯ ОСВОБОДИТЕЛЯ,

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II-го.

2007096040

№ 51/139

XX-9478

ПАМЯТИ

ЦАРЯ ОСВОБОДИТЕЛЯ, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го. *)

Христіанинъ, обязанный любить ближняго какъ самаго себя (Мат. XXII, 39), обязанъ любовь свою и выражать къ ближнему не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Іоан. III, 16) — такова воля нашего Божественнаго Учителя—Іисуса Христа, послужившаго во всемъ для насъ примѣромъ и выразившаго любовь Свою къ намъ самымъ дѣломъ. Любовь познали мы въ томъ, говоритъ Іоаннъ Богословъ, что Онъ, т. е. Іисусъ Христосъ, положилъ за насъ душу Свою (1 Іоан. III, 16).

Грѣховныя страсти, гнѣздящіяся въ сердцѣ человѣка и, какъ соръ, возмущающія потокъ добрыхъ христіанскихъ чувствованій, мѣшаютъ, а иногда и совсѣмъ не дозволяютъ человѣку не только выразить, но и почувствовать любовь къ ближнему. Отсюда, смотря по тому, насколько кто подпалъ вліянію своихъ страстей, настолько успѣваетъ и въ подражаніи Христу относительно испол-

---

*) По случаю освященія часовни, устроенной средствами рабочихъ и служащихъ Васильевскаго Гильзоваго Отдѣла С.-Петербургскаго Патроннаго Завода, въ 1882 г.

ненія указанной заповѣди; отсюда и та бытовая житейская лѣстница, ступени которой состоятъ изъ людей отъ болѣе скудныхъ до менѣе скудныхъ дѣлами любви, отъ менѣе совершенныхъ до болѣе совершенныхъ. Высшую ступень этой лѣстницы составляютъ тѣ, которые готовы жизнію своею пожертвовать для блага ближнихъ. Больши сея любве, говоритъ Іисусъ Христосъ, никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя (Іоан. XV, 13).

Такую высокую ступень занимали и занимаютъ сравнительно немногіе. Къ числу этихъ немногихъ долгъ справедливости требуетъ отнести и почившаго Государя нашего, Императора Александра Николаевича, въ память котораго, близъ мѣста вашихъ обычныхъ занятій, устроена вами часовня.

Отличительными чертами характера почившаго Государя были черты чисто-христіанскія: кротость, милосердіе, правдолюбіе, мудрая отеческая заботливость о благѣ каждаго изъ насъ и всего нашего обширнаго отечества—вотъ что составляло неотъемлемое достояніе Его духа и съ чѣмъ Онъ, обыкновенно, являлся въ отношеніи къ своимъ подданнымъ отъ начала и до конца своего царствованія.

Перенесемся мыслію къ той эпохѣ, когда почившій Государь принялъ на себя трудъ правленія государствомъ! Не смотря на то, что Онъ принялъ въ наслѣдіе отъ отца своего тяжелую крымскую войну, на которую должны были обратиться всѣ Его помыслы и вслѣдствіе которой Онъ не могъ, съ перваго раза, проявить себя въ дѣлахъ внутреннихъ, требовавшихъ преобразованій, всѣ и каждый почувствовали предвѣстіе какого-то новаго, болѣе благопріятнаго времени; какимъ-то теплымъ, обновляющимъ вѣтромъ пахнуло во всѣ концы нашей широкой родины; что-то умягчающее сердца слышалось

въ каждомъ словѣ, каждомъ поступкѣ новаго русскаго самодержца. Человѣкъ сердца, сердца добраго, преисполненнаго высокихъ чувствъ — вотъ кто, по общему признанію, занялъ тогда русскій престолъ и послужилъ причиною ко всеобщей радости.

И какъ было не радоваться, когда причины радостей были не исчетны? Въ слѣдъ за коронованіемъ, 26-го Августа 1856 года, духъ кротости и любви, одушевлявшій почившаго Государя, повѣялъ по всей Россіи и сказался во всемъ: въ смягченіи отношеній власти къ подчиненнымъ, въ отмѣнѣ грубыхъ тѣлесныхъ наказаній, въ сокращеніи срока военной службы, разложеніи тяжести ея на всѣ сословія, въ уничтоженіи званія кантонистовъ, въ уничтоженіи военныхъ поселеній, въ облегченіи участи самыхъ преступниковъ и пр. и пр.

Крѣпостное право, много лѣтъ разъѣдавшее Россію и парализовавшее дѣятельность милліоновъ сыновъ ея, не могло мириться съ духомъ любви, милосердія и сострадания, одушевлявшими почившаго Государя. И вотъ, съ высоты царскаго престола, раздается по всей Россіи великое слово объ уничтоженіи этого права. Во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества составились комитеты для рѣшенія этого великаго вопроса, и, чрезъ немного лѣтъ, благодаря сочувствію и содѣйствію доблестныхъ дворянъ, 19 Февраля 1861 года, крѣпостное право на вѣки отмѣнено!

Въ слѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, цѣлые потоки царскихъ милостей и щедротъ полились на всѣ сословія и учрежденія. Тамъ гдѣ самоуправствовали прежде становые стариннаго типа,—стали судить мировые судьи, избираемые обществомъ; гдѣ распоряжались чиновники, часто по своему произволу, стали распоряжаться выборные земскіе и городскіе; гдѣ крючкодѣйствовали подъячіе, — стали дѣйствовать гласные; гдѣ

можно было обдѣлывать дѣла взяткою, представилась возможность и безъ нея обойтись: чиновный міръ облагородился возвышеніемъ содержанія и лучшимъ выборомъ служащихъ. Тамъ, гдѣ по пальцамъ можно было перечесть грамотныхъ,—тамъ, во многихъ мѣстахъ, появились мужскія и женскія гимназіи, реальныя училища; люди низшихъ сословій, сѣдящіе до толѣ во тьмѣ и сѣни смертнѣй и незнающіе, какъ говорятъ, аза въ глаза, получили возможность, при повсемѣстномъ открытіи школъ, знакомиться съ грамотой и пріобрѣтать нѣкоторыя свѣденія по наукамъ. Во всѣхъ прежде-бывшихъ учебныхъ заведеніяхъ произведены реформы, и тамъ, гдѣ имѣла мѣсто, такъ называемая учеба съ сопутницей своей розгой, стало развиваться толковое обученіе на ряду съ гуманнымъ воспитаніемъ. Русское слово, русская мысль, связанныя до толѣ суровостью цензуры, получили бо́льшую свободу и выразились значительно бо́льшимъ количествомъ повременныхъ изданій, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Православная Церковь, издавна подвергавшаяся насилію и притѣсненію враговъ, имѣла въ почившемъ Монархѣ всегдашняго защитника и покровителя: онъ охранялъ ея миръ и безопасность, возстановлялъ ея честь и достоинство, и съ любовію обращалъ заботливые взоры свои къ странамъ восточнымъ, гдѣ чада Православной Церкви издавна несли тяжелый крестъ неволи и страданій и пр. и пр.

Мы не въ состояніи изобразить, или, по крайней мѣрѣ, исчислить всей многоплодной дѣятельности почившаго Государя: его труды и служеніе отечеству надолго будутъ предметомъ изученія для многихъ; его великія дѣянія надолго многимъ пишущимъ дадутъ работу. Въ настоящемъ случаѣ, ограничившись краткимъ указаніемъ на нѣкоторыя изъ сторонъ его дѣятельности, добавимъ только, что не только каждый годъ, но, можно сказать,

каждый день его царствованія приносилъ намъ новыя и новыя благодѣянія, потому что изо дня въ день зрѣли и обнаруживались его мудрыя предначертанія и исполнялись великія преобразованія,—преобразованія, имѣющія одинъ характеръ: дарованіе разныхъ льготъ и облегченій для своихъ подданныхъ и отеческое довѣріе Государя къ своему народу; изо дня въ день онъ усиливалъ свои заботы къ тому, чтобы оставить послѣдующимъ родамъ царство свое объединеннымъ, умиротвореннымъ, благоустроеннымъ, счастливымъ и возвеличеннымъ.

Но тамъ, гдѣ власть кончаетъ свои распоряженія, тамъ начинается приведеніе этихъ распоряженій въ исполненіе. Исполнителями воли царской, конечно, были и есть подданные царя, т. е. всѣ мы русскіе и иностранцы, перешедшіе въ подданство Россіи. Почившій Государь такъ и смотрѣлъ на насъ. Задумывая разныя преобразованія, онъ не скрывалъ ихъ въ недоступной тайнѣ, но объявлялъ во всеуслышаніе, милостиво позволяя всѣмъ и каждому размышлять объ его царственныхъ предначертаніяхъ и приготовляться вмѣстѣ съ Нимъ на великое дѣло общественнаго благоустройства. Дѣлая такъ, Онъ возлагалъ на насъ великія обязанности; Онъ хотѣлъ, чтобы мы, заранѣе постигнувъ истинныя цѣли Его предначертаній, содѣйствовали потомъ приведенію ихъ въ исполненіе; Онъ хотѣлъ имѣть во всѣхъ насъ помощниковъ себѣ; желалъ отъ насъ облегченія и утѣшенія въ своихъ царственныхъ заботахъ; Онъ искалъ въ своемъ царствѣ, по выраженію древняго мудреца, множества премудрыхъ, чтобы совокупною дѣятельностію ихъ устроять благосостояніе обширнаго общества человѣческаго, предоставляя самому себѣ быть утвержденіемъ для людей, т. е. распорядителемъ общихъ трудовъ, главою и верховнымъ руководителемъ

всѣхъ, основаніемъ всякаго благотворнаго движенія, державнымъ защитникомъ порядка, мира и безопасности.

Что же мы, съ своей стороны, при неоспоримой важности и величіи начинаній и преобразованій Почившаго — оправдали-ль Его довѣріе къ намъ? Были-ль Ему добрыми и честными сотрудниками? Заботились-ли о своемъ благополучіи такъ, какъ заботился Государь о — нашемъ? Было-ли чему порадоваться Почившему, взирая на нашу дѣятельность, наши заботы и труды, при исполненіи Его воли и желаній? Удалось-ли Ему видѣть истинные плоды своихъ начинаній и предначертаній? Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя изъ преобразованій, совершенныхъ Почившимъ!

Первое великое дѣло, совершенное почившимъ Государемъ, есть освобожденіе двадцати пяти милліоновъ подданныхъ изъ крѣпостной зависимости. Это вѣчно живой памятникъ Александру II-му! Но что мы сдѣлали съ этимъ памятникомъ? Какъ мы воспользовались дарованною намъ свободою? Стыдно сказать, но грѣшно и утаить: мы много злоупотребляли ею, мы тяжко грѣшили противъ нашего Отца-Освободителя. Вмѣсто того, чтобы, скинувъ съ себя тяжолую узду рабства, приняться за честный трудъ, улучшить свое семейное состояніе и сдѣлаться полезными членами общества, мы дѣлали и поступали, въ большинствѣ случаевъ, на оборотъ. Кто, напр., не знаетъ, что простой сельскій людъ, по выходѣ изъ крѣпостной зависимости, въ видахъ лучшихъ зароботковъ, сталъ охотно покидать свой родной уголъ и стремиться въ города, гдѣ больше фабрикъ и заводовъ и гдѣ вообще бываетъ большая потребность въ рабочихъ силахъ. Дѣло прекрасное по началу и намѣренію, но, въ большинствѣ случаевъ, дурное по послѣдствіямъ. Оторванный отъ своего крова, своей родной семьи и не рѣдко занятый дѣломъ (о

праздношатающихся мы не будемъ говорить), въ большинствѣ случаевъ, служилъ и служитъ плохимъ подспорьемъ для своихъ домашнихъ. Какъ многіе изъ такихъ, отсутствуя по нѣскольку лѣтъ и не составивъ себѣ никакого достоянія, вслѣдствіе разнузданности плоти своей, возвращались и возвращаются домой голые и босые, пропитываясь на пути подаяніемъ! Между тѣмъ, домашнее хозяйство, до толѣ скудное, но оставленное на попеченіе слабыхъ стариковъ, женъ или малолѣтнихъ дѣтей, годъ отъ году приходило и приходитъ въ упадокъ. Вспомните еще, какъ мы проводимъ христіанскіе праздники! Не рѣдко, вопреки требованію Церкви, со вредомъ для собственнаго здоровья, въ ущербъ хозяйственныхъ интересовъ, мы растягиваемъ эти праздники на нѣсколько дней и даже недѣль, и дѣлаемъ это не въ силу своихъ религіозныхъ чувствъ, а въ силу любви своей къ разгулу. И сколько дорогихъ копѣекъ, добытыхъ потомъ и крайне нужныхъ въ домашнемъ быту, необузданная плоть наша разноситъ, въ эти дни, по трактирамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ! Вообще,—лѣность, пьянство, воровство, развратъ и тому подобные пороки стали свободнѣе разгуливать въ предѣлахъ нашего отечества и уловлять въ свои пагубныя сѣти не только людей взрослыхъ, но и неоперившихся еще юношей. Примѣровъ на это множество — стоитъ только заглянуть въ любую газету, или проникнуть въ камеры нашихъ судовъ, или еще лучше, — быть наблюдательнымъ въ жизни, чтобы поражаться примѣрами злоупотребленія дарованной свободы. И великое святое дѣло, совершенное почившимъ Государемъ для нашей пользы, нашего счастія и благополучія, утратило свою цѣну въ рукахъ нашихъ, и немногимъ счастливцамъ дало и даетъ возможность вкушать сладкіе плоды его.

Въ справедливомъ убѣжденіи, что только просвѣще-

ніе можетъ облагородить человѣка и пробудить дремлющія духовныя силы народа, почившій Государь озаботился дѣломъ народнаго образованія. Лѣниво встрѣчена была эта забота Царя непросвѣщенными классами нашего общества и подвигалась впередъ медленно: многіе изъ родителей на нашихъ глазахъ, оставаясь еще неграмотными, не хотятъ и дѣтей своихъ обучать грамотѣ. Съ восторгомъ отнеслось къ этому только образованное общество, но и восторженныя рѣчи большинства образованныхъ вскорѣ показали, какъ мало мы готовы на дѣло народнаго образованія. Поборники науки, большею частію, отнеслись холодно, безучастно и даже враждебно къ дѣлу вѣры и Церкви: имъ показалось, что вѣра и наука не примиримы, что успѣвать въ наукахъ можно не иначе, какъ съ ущербомъ для вѣры! Прямымъ послѣдствіемъ такого ложнаго взгляда на взаимныя отношенія вѣры и науки—было печальное раздѣленіе духовно-воспитательныхъ силъ, вредно отозвавшееся на народномъ образованіи. Одни требовали просвѣщенной вѣры въ Бога и Его святое Откровеніе, другіе безусловной вѣры въ разумъ человѣческій; одни началомъ дѣятельности поставляли страхъ Божій, другіе раздражительное чувство человѣческой чести и самолюбіе; одни огражденіе доброй нравственности находили въ заповѣдяхъ Закона Божія и уставахъ Церкви, другіе въ такъ называемыхъ благородныхъ влеченіяхъ природы человѣческой, — въ любви къ искусствамъ, къ зрѣлищамъ, увеселеніямъ; одни внушали благоговѣніе къ священной власти родительской, другіе видѣли въ ней стѣсненіе для свободнаго развитія юныхъ силъ; одни проповѣдывали святость брачныхъ союзовъ и цѣломудріе, другіе свободу чувствъ и сердечныхъ влеченій; одни внушали уваженіе къ законной власти, другіе требовали права суда надъ всякимъ движеніемъ власти; одни про-

повѣдывали христіанство, другіе новѣйшее язычество и пр. Въ несчастной срединѣ между этими противуположностями стояла та часть общества, которая, безъ яснаго сознанія непримиримости двухъ началъ, по временамъ подчинялась вліянію то того, то другаго, смутно чувствуя безпокойство и опасенія, и то жалѣла разстаться съ вѣрою, которая еще жила въ сердцѣ, то боялась прямо возстать противъ духа невѣрія, прикрываемаго почтеннымъ именемъ науки и просвѣщенія.

Такая разрозненность, такой разладъ и неустойчивость въ отношеніи къ вопросу объ образованіи могли ли ручаться за успѣхъ дѣла? Могли ли разширить до такихъ предѣловъ и поднять такъ высоко образовательный уровень, какъ предполагалъ видѣть его Почившій? Никакъ.—Только общимъ согласіемъ, дружной дѣятельностію можно было достигнуть этого; разладъ и несогласія были порчей, снѣданіемъ однихъ, что посѣвалось другими. И это не было радостью для Царя благонамѣреннаго, не могло утѣшать Его глубоко вѣрующее и искренно-преданное сердце Богу и Церкви.

Въ ожиданіи отъ просвѣщенныхъ своихъ подданныхъ добросовѣстнаго разъясненія нуждъ отечества и зрѣлаго обсужденія предначатыхъ преобразованій, почившій Государь разширилъ свободу печатнаго слова. Но что доставила намъ эта свобода? Мало пользы. Среди незначительнаго обсужденія вопросовъ гражданскихъ и полезныхъ свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ и историческихъ, подавляющей массой выступали произведенія умовъ неустроенныхъ и сердецъ невоздѣланныхъ. Крикливая молодость и доселѣ еще нестройнымъ шумомъ заглушаетъ спокойные голоса мужей зрѣлыхъ — правдолюбцевъ; печатныя пренія и теперь еще превращаются въ возмутительныя ссоры, переполненныя личными оскорбленіями, почтенныя имена и до нынѣ еще под-

вергаются осмѣянію, поруганію и уничиженію, и не разъ уже печатное слово покушалось распространять безнравственность и развращеніе, такъ что заботливые родители вынуждаемы были отводить дѣтей своихъ отъ этого мутнаго источника просвѣщенія. Много ли тутъ было радости для Царя кроткаго, благонравнаго и миролюбиваго? И не сами-ли мы были виновны въ томъ, что Онъ нѣсколько разъ ограничивалъ дарованную намъ свободу слова?

Въ увѣренности, что каждый изъ насъ больше, чѣмъ чужіе люди, позаботится о своей пользѣ и благосостояніи, почившій Государь благоволилъ разрѣшить городскимъ и сельскимъ обществамъ устраивать собственное управленіе посредствомъ выборныхъ изъ общества. Вотъ по истинѣ пробный камень для нашей ревности къ благу общественному, нашей нравственной способности жертвовать благу ближнихъ личною выгодою, собственнымъ спокойствіемъ и всѣми пристрастіями, происходящими отъ связей дружбы, родства и кумовства! Предстояло оставить старую привычку уклоняться отъ общественной службы подъ предлогомъ множества собственныхъ дѣлъ. Нужно было свыкаться съ мыслію, что общественное дѣло есть дѣло собственное, что обида ближнихъ есть обида собственная, что общественное злоупотребленіе есть оскорбленіе цѣлаго общества; нужно было изучать законы и порядокъ управленія, дорожить правами, которыя дарованы каждому и пр. и пр. Что же оказалось? Мало достойнаго святой воли Монарха, доблестнаго гражданина и истиннаго христіанина. Лѣность, вялость, апатичность, незнаніе своихъ правъ, неуваженіе къ правамъ ближняго, злоупотребленія, хищенія и пр. — вотъ чѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, характеризуется наша дѣятельность въ отношеніи къ вопросу о самоуправленіи. Что тутъ было отраднаго для почившаго Отца и Благодѣтеля

нашего? И не обливалось ли сердце Его кровію, когда Онъ видѣлъ или слышалъ, какъ доброе дѣло, могущее послужить общественному благосостоянію, коверкалось и искажалось въ рукахъ неопытныхъ или злонамѣренныхъ, но избранныхъ и поставленныхъ на дѣло самимъ обществомъ?

И сколько, безъ сомнѣнія, есть сторонъ въ нашей жизни и дѣятельности, гдѣ святая воля Монарха почившаго, или не исполнялась, или извращалась, или встрѣчала тайное и явное противодѣйствіе, или покрывалась черным облакомъ неблагодарности! Всего перечислить не возможно. Возможно лишь сказать одно: кто Богу не грѣшенъ и Царю не виноватъ! Не возможно исчислить и тѣхъ побужденій, по которымъ тотъ или другой изъ насъ оказывался непослушнымъ, виновнымъ или неблагодарнымъ въ отношеніи къ державному Труженику. Совѣсть каждаго пусть будетъ свидѣтелемъ этого; совѣсть каждаго — этотъ неумолимый судія, имѣющій обличить насъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и помышленіяхъ на страшномъ судищи Христовомъ, — пусть она пробудится и подскажетъ каждому, въ чемъ кто виноватъ предъ Почившимъ. Въ результатѣ, безъ сомнѣнія, окажется много виновныхъ, но мало правыхъ.

При такомъ отношеніи, съ нашей стороны, къ благимъ начинаніямъ и преобразованіямъ почившаго Государя, наше объединеніе, умиротвореніе, благоустройство, счастіе и величіе, столь желательныя для Почившаго, подвигались впередъ медленно и не рѣшительно; тѣмъ болѣе не рѣшительно, что антихристіанское направленіе, проникшее въ общество и заразившее многихъ широтою и вольностью своей программы отъ времени до времени усиливалось и подогрѣвало наши страсти: мы стали свободнѣе, развязнѣе, успѣшнѣе, но только въ дѣлахъ худыхъ, а не добрыхъ; стали забывать Бога,

мало стыдиться своихъ злодѣяній, открыто совершать и хвастаться ими; у насъ появилось слово „либеральный“, которое прилагалось ко всякому, кто имѣлъ дерзость, или кощунствовать надъ религіей, или пересуживать и свысока третировать распоряженія высшихъ властей; мы забавлялись, мы смѣялись, слушая вольности дешеваго либерализма, и не подозрѣвали, какъ эти вольности въ конецъ подтачивали наши нравственныя убѣжденія и дѣлали насъ неспособными ни къ поддержанію остающагося добра, ни къ противодѣйствію имѣющаго разлиться зла.

За либералами, разносившими свои зловредные цвѣтки. куда попало, и не встрѣчавшими противодѣйствія въ обществѣ, выдвинулись непризванные просвѣтители и ложревнители народнаго блага, поставившіе себѣ задачей: „передѣлать русское общество на свой ладъ“. Великая задача! Но великая задача предполагаетъ и великихъ умовъ для выполненія ея. Кто же эти новые просвѣтители? По происхожденію своему, они — наши дѣти, плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ; они родились и выросли на той же самой почвѣ, на которой ростемъ, благоденствуемъ или бѣдствуемъ и мы; они жили и живутъ среди насъ. По мѣсту воспитанія и образованія своего, они, въ большинствѣ случаевъ, ученики нашихъ школъ, которые не желали научиться ничему доброму, за лѣность и не рѣдко дурное поведеніе изгнаны изъ этихъ школъ. По характеру своему, это народъ самолюбивый, гордый, заносчивый, не знающій предѣловъ для оцѣнки своихъ мнимыхъ достоинствъ; всѣ, не раздѣляющіе ихъ взглядовъ и дерзнувшіе возразить имъ, по ихъ мнѣнію, или тупоумые, или неразвитые, или безчестные; одни они только умны, широко развиты и честны.

Вотъ эти-то умники, пользуясь нашей распущенностью,

неосмотрительностью, вялостью, удобопреклонностью къ злу, и принялись судить и рядить обо всемъ. Прочитавши двѣ-три книжки и не уразумѣвши ихъ, какъ слѣдуетъ, они пустились рѣшать всѣ доступные и недоступные для нихъ вопросы, и такіе, напр., вопросы, которые не могли быть рѣшены, съ давняго времени, величайшими мыслителями міра, ими рѣшены уже окончательно. Вопросы о Богѣ, душѣ человѣка, совѣсти, вѣчности и т. п., они, не задумываясь, объявили нестоющими ихъ вниманія. И коротко и ясно! Не умѣя управлять собою, они стали предписывать законы нашему русскому люду и, чтобы законы эти возъимѣли силу, лучше привились къ народу, они пустились порицать Правительство, служащее главнымъ тормазомъ въ ихъ преступной дѣятельности.

Посмотрите, напр., какъ они относятся къ Правительству, Богомъ установленной власти! Каждое слово, каждое распоряженіе высшей власти, съ ихъ точки зрѣнія, зло; слова: деспотизмъ, произволъ, угнетеніе народа не сходятъ съ ихъ беззаконныхъ устенъ; тутъ они не останавливаются ни предъ какой ложью, чтобы только унизить, оклеветать власть и лишить ее уваженія въ глазахъ народа: вину недобросовѣстныхъ исполнителей высшихъ распоряженій, они непремѣнно сваливаютъ на самихъ распорядителей; частныя злоупотребленія, совершенныя людьми неблагонамѣренными, не рѣдко избранными самимъ обществомъ, они непремѣнно относятъ къ порядкамъ установленнымъ высшей властію; дурѣнъ сельскій старшина или голова, избранные самимъ обществомъ, дурна, слѣдовательно, власть допустившая подобные выборы и пр. и пр.

Не подумайте, что они дѣйствуютъ такъ изъ любви къ отечеству и благу народному. Нѣтъ тамъ любви къ отечеству и благу народному, гдѣ нѣтъ Бога: тамъ живутъ стадообразно и хищничаютъ, какъ волки, ссорясь

и раздираясь между собою изъ задѣлежа добычи; тамъ господствуетъ грубая сила и животный инстинктъ. Не вѣрьте любви тѣхъ, которые, не задумываясь, стрѣляютъ изъ-заугла и, какъ кроты, роясь въ землѣ, готовы пустить весь міръ на воздухъ. Вспомните, въ какомъ напряженномъ состояніи была вся Россія предъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса, когда всѣ истинно русскіе съ трепетнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями, совершавшимися въ Сербіи и Черногоріи, и готовы были подать руку помощи своимъ единовѣрнымъ братьямъ-Славянамъ, въ это-то напряженное время, лжеревнители народнаго блага производятъ у Казанскаго Собора возмущеніе, кончившееся, къ счастію, полнѣйшей неудачей со стороны возмутителей. Какая же тутъ любовь къ народу и отечеству? Только чужіе, злѣйшіе враги Россіи могли бы это сдѣлать, а они свои русскіе, именующіеся даже Христіанами!

Всякій достатокъ, съ ихъ точки зрѣнія, преступленіе; собственность — воровство! Трудящихся и обремененныхъ они не успокоиваютъ, а только раздражаютъ своими умствованіями; они ввергаютъ ихъ не рѣдко въ большія бѣдствія, чтобы сильнѣе озлобить ихъ и возбудить въ нихъ ненависть къ богатымъ; они готовы превратить весь міръ въ развалины, лишь бы не было богатыхъ, лишь бы всѣ были равно бѣдны. Кому не извѣстно, что большая часть пожаровъ, опустошавшихъ и опустошающихъ Россію — дѣло ихъ злой воли? Имѣніе должно быть общее, а они будутъ распоряжаться имъ и выдѣлять каждому что̀ нужно. Вотъ къ чему они стремятся, чего хотятъ и на что уловляютъ лѣнивыхъ, желающихъ пожить, покутить, повеселиться на чужой счетъ; у нихъ нѣтъ уваженія къ трудамъ и талантамъ, которыми не всѣ одинаково надѣлены и вслѣдствіе которыхъ не всѣ одинаково равны по состоянію.

Они обѣщаютъ свободу. Но какъ могутъ дать свободу тѣ, которые, по слову апостола, сами рабы тлѣнія (Тит. 19)? И какую свободу? Свободу — поступать по своимъ похотямъ, не честно и беззаконно! Ложь говорятъ они, — такой свободы, при всемъ ихъ нравственномъ упадкѣ, они не дадутъ: они смотрятъ на человѣка не какъ на брата, а какъ на рабочую силу, обязанную жертвовать своими трудами въ общее достояніе. Если эта сила окажется безполезной или мало полезной, они не замедлятъ отъ ней избавиться такимъ же гнуснымъ способомъ, какимъ дѣйствуютъ и теперь противъ людей для нихъ непріятныхъ; у нихъ не дрогнетъ рука всадить въ человѣка пулю или поразить его кинжаломъ, подкравшись изъ заугла. Какая же тутъ свобода? Обѣщанный просторъ въ дѣйствіяхъ съ ежеминутнымъ ожиданіемъ насильственной смерти? Не лестна и не желательна такая свобода.

Бракъ и семья, по ихъ мнѣнію, — старые предразсудки. Вкрадываясь въ дома, какъ волки въ овечьей шкурѣ, они постоянно толкуютъ женамъ о тиранствѣ мужей, отсталости отцовъ и матерей и прелестяхъ внѣбрачной жизни. И сколько семействъ подпало несчастію, благодаря ихъ злостной пропагандѣ! Сколько женъ бросило своихъ мужей, ради преступной связи съ подобными просвѣтителями и, въ свою очередь, брошены послѣдними! Сколько отцовъ и матерей оплакиваютъ дѣтищъ своихъ, соблазнившихся коварной рѣчью и попавшихъ въ руки развратителей нравственности и губителей цѣломудрія! Сколько несчастныхъ влачатъ жизнь свою въ сырыхъ и грязныхъ подвалахъ, вмѣсто того, чтобы жить спокойно при родителяхъ и ждать Богомъ посланной партіи!

Грубы, отвратительны и гадки въ глазахъ нашихъ люди съ подобными свойствами; тѣмъ не менѣе, свойства

этихъ людей, въ большей или меньшей степени, отразились на многихъ, если не на всѣхъ насъ: кто около чего вращается, тотъ о то и марается, по пословицѣ. Хотя и прежде мы не были безгрѣшны, правы и чисты въ отношеніи своего долга къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ, однако какъ-то лучше умѣли различать добро отъ зла; грѣхъ считали грѣхомъ и находили нужду въ немъ каяться; теперь все какъ-то перепуталось и исказилось; количество грѣховъ умножаясь и увеличиваясь въ дѣйствительности, значительно сократилось въ нашихъ понятіяхъ, а нѣкоторые изъ грѣховъ возведены уже чуть ли не въ добродѣтели; осталось на долю. кажется, однимъ только пастырямъ церкви разграничивать и объяснять истинно-грѣшное отъ безгрѣшнаго, истинно-нравственное отъ безнравственнаго; но труды пастырей мало приносятъ пользы; гласъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Посмотрите, когда проповѣдникъ выходитъ проповѣдывать, какъ толпы народа бѣгутъ вонъ изъ церкви! Вы подумаете, что они хорошо знаютъ, о чемъ онъ будетъ проповѣдывать? Нѣтъ — они не знаютъ, они просто не хотятъ слушать; у нихъ нѣтъ интереса къ вопросамъ вѣры и нравственности; они интересуются больше скабрезными стишками, продекламированными на подмосткахъ какимъ нибудь вирпеплетомъ, или безстыжимъ прыжкомъ, выкинутымъ какой нибудь танцовщицей: тутъ они не пожалѣютъ ничего — ни времени, ни силъ, ни средствъ, лишь бы осквернить свои чувства безнравственностью и усугубить свою грѣховность; тутъ они многое усвоятъ и о многомъ разскажутъ другимъ; скупы и неподатливы они только въ отношеніи религіозныхъ истинъ: тутъ они помалчиваютъ и это, безъ сомнѣнія, потому, что ничего изъ этой области не знаютъ и знать не хотятъ.

Время, скажемъ, заниматься вопросами вѣры и нрав-

ственности на школьной скамьѣ, а теперь есть другія дѣла, да нужно же, наконецъ, и повеселиться. Такъ, о весельѣ что говорить, а успѣхъ школьнаго образованія весьма много зависитъ отъ домашней подготовки: къ чему дитя пріучится дома, на томъ оно лучше совершенствуется или того не покидаетъ и въ школѣ. Наши маменьки изъ образованныхъ классовъ заботятся прежде всего не о томъ, чтобы ребенокъ умѣлъ правильно перекреститься и совершить въ свое время молитву, а о томъ, чтобы онъ умѣлъ хорошо отшаркнуться, сказать нѣсколько словъ по французски, потѣшить посѣтителя игрою на форте-піано, или пропѣть какой-нибудь романсъ, не рѣдко не сообразный ни съ возрастомъ, ни съ понятіями ребенка. И дѣти низшихъ сословій — простолюдиновъ — развѣ не страдаютъ подобными недугами? Посмотрите на этихъ беззаботныхъ уличныхъ шалуновъ, какъ они прекрасно распѣваютъ иногда пѣсенки или декламируютъ куплеты безнравственнаго содержанія, а спросите ихъ прочитать самую короткую молитву Господу — не знаютъ, или знаютъ какъ-нибудь. Выучатся въ школѣ, скажемъ за сердобольными маменьками. Но вотъ и школьный періодъ наступилъ. Не пріученныя въ домашнемъ быту къ дѣламъ Богопочтенія, дѣти и въ школѣ какъ-то не охотно исполняютъ эти обязанности, и съ какимъ-то явнымъ нежеланіемъ приступаютъ къ изученію Закона Божія. И какихъ трудовъ стоитъ Законоучителю вдолбить имъ сколько-нибудь священныхъ истинъ! Сколько бываетъ слезъ и жалобъ, если ребенка задержатъ въ школѣ за неисправность по Закону Божію: вѣдь онъ не по священству пойдетъ, — къ чему ему все это? И ребенокъ наглядно поощряется къ лѣности. Пройдетъ годъ-два, и простолюдинъ спѣшитъ уже освободить его изъ школы: „довольно, говоритъ, съ него,— по ученому онъ не пойдетъ, а для нашего дѣла больше не требуется“.

И пошелъ ребенокъ опять по той же колеѣ, по которой шелъ до школы; уроки Законоучителя, сначала смутно припоминаемые, потомъ окончательно забываются, за неимѣніемъ охоты приняться за книжку и повторить пройденное. Съ дѣтьми другихъ сословій, которымъ приходится проходить высшія школы, происходитъ тоже самое: они хотя и больше учатся по Закону Божію, но учатся, въ большинствѣ случаевъ, не по охотѣ, а по необходимости, чтобы получить удовлетворительный баллъ для перехода изъ класса въ классъ. И какъ много такихъ, которые, окончивъ полный курсъ наукъ, по Закону Божію знаютъ не больше, или немного больше учениковъ низшихъ школъ! Почему такъ? Да потому, что учились только для экзамена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кончались экзамены, улетучивались и ихъ познанія — не ихъ-де спеціальность!

Вслѣдствіе такой холодности и небрежности къ предметамъ вѣры и нравственности, вслѣдствіе скудости, а иногда и совершеннаго отсутствія надлежащихъ знаній по Закону Божію, у насъ открылось широкое поле для всякаго вольномыслія и свободомыслія, а отсюда и возможность — убаюкивать свою совѣсть и разрѣшать на вся. Многіе изъ нашихъ образованныхъ юношей на нарушеніе седьмой заповѣди смотрятъ уже, какъ на удовлетвореніе естественной потребности и съ безстыдствомъ, какъ о какомъ нибудь добромъ дѣлѣ, о своемъ грѣхопаденіи говорятъ въ собраніяхъ. Наши дѣвицы произносятъ иногда въ обществахъ такія слова, отъ которыхъ матери ихъ горятъ со стыда, за что дѣти причисляютъ ихъ къ разряду неразвитыхъ и отсталыхъ. Наши общественныя учрежденія, въ которыхъ служатъ образованные люди, выбранные также образованными людьми, запятнали себя такимъ колоссальнымъ воровствомъ, отъ котораго, какъ говорится, уши вянутъ. Наши

преступники спокойно говорятъ на судѣ: да — мы совершили убійство и не краснѣя можемъ смотрѣть въ глаза всѣмъ (Нечаевск. дѣло объ убійствѣ студ. Иван.); да — мы позаимствовали изъ кассы, потому что любили жить хорошо (дѣло объ Юханц.); да—мы обманываемъ покупателей, съ спокойной совѣстію говорятъ иные торговцы, потому что — не обмануть, — не продать; да—мы обсчитываемъ работниковъ, говорятъ нѣкоторые изъ хозяевъ, потому что намъ нужно разжиться: птичка по зернышку клюетъ и сыта бываетъ; да—мы обманываемъ и обкрадываемъ хозяевъ, говорятъ работники, потому что намъ нужны деньги и пр. и пр. Евангельскаго понятія о чести, долгѣ и справедливости здѣсь нечего искать; здѣсь все сводится къ тому: что̀ кому по вкусу и характеру и что вообще кажется выгоднымъ, то и честнымъ! Такое понятіе о чести не указываетъ ли прямо на безчестіе и не служитъ ли доказательствомъ отсутствія въ насъ, подобно нашимъ лжепросвѣтителямъ, всякихъ правилъ нравственности?

Скажутъ, что это — частные случаи, по которымъ нельзя судить о состояніи и нравственномъ уровнѣ всего общества? Правда — мѣрка слишкомъ узкая и небезопасная, что одинъ или нѣсколько дурныхъ (въ семьѣ не безъ урода)—это не значитъ еще, что и всѣ дурны. Но посмотрите на все общество — много-ли оно отличается отъ общества языческаго. Кто не знаетъ, что для многихъ изъ насъ стало безразлично: православный-ли онъ, католикъ-ли, лютеранинъ-ли, магометанинъ-ли, еврей-ли, или безбожникъ? Лишь-бы былъ богатъ, да держалъ себя приличио; на нравственно-религіозныя убѣжденія не обращается никакого вниманія. Полнѣйшій религіозный индеффферентизмъ! А спросите: многіе ли изъ насъ содержатъ посты, установленные Церковію? Многіе ли исповѣдаются и пріобщаются святыхъ таинъ? Многіе-ли

вступаютъ въ бракъ? Кому не извѣстно, что клубы, театры и прочія увеселительныя заведенія посѣщаются усерднѣе, нежели церковь; что въ то время, когда церковный колоколъ призываетъ къ Богослуженію, по случаю наступающаго воскреснаго или праздничнаго дня, народъ спѣшитъ въ сады и общественныя гулянья развлечься подъ звуки раздающейся музыки: время самое благопріятное, потому что на работу завтра не идти, а въ церковь можно и не ходить! Посмотрите и на тѣхъ, которые посѣщаютъ церковь! Не говоря уже о томъ, что многіе, находя обременительнымъ прослушать всю службу, приходятъ только къ концу, для многихъ церковь обратилась въ какое-то увеселительное заведеніе: здѣсь позволяютъ себѣ и разговаривать, и смѣяться и, грѣшно утаить, запускать руку въ чужой карманъ для легкой наживы или самопомощи—мерзость запустенія на мѣстѣ святѣ!

Нашъ вѣкъ хвалится благотворительностью — черта вполнѣ достойная истинныхъ послѣдователей Христа. Но всмотритесь по внимательнѣй въ эту благотворительность, и вы навѣрное увидите подъ благовидной фирмой множество нечистыхъ побужденій. Не говоря уже о тѣхъ, которые, при всемъ нежеланіи, жертвуютъ во исполненіе приказаній свыше, многіе жертвуютъ изъ тщеславныхъ побужденій,—чтобы похвастаться предъ прочими, многіе — съ цѣлію — пошире проторить себѣ дорожку, и, посредствомъ поданной ленты, пробраться къ чину, знаку отличія и приличному кушу. Многіе жертвуютъ тогда только, когда за жертву обѣщаются какія нибудь грѣховныя удовольствія: хотите ли вы, напр., помочь бѣднымъ? Не говорите про Христа, Его заповѣдь о милосердіи къ бѣднымъ, — мало получите. Хотите ли собрать что нибудь въ пользу раненныхъ на войнѣ? Не помипайте о любви къ отечеству,— мало бу-

дѣтъ толку. Хотите ли помочь учащейся молодежи? Молчите о святости образованія: фразеромъ назовутъ. А вотъ пригласите поплясать въ пользу бѣдныхъ, или похохотать въ пользу раненыхъ, или пообѣщайте показать веселыя картинки въ пользу и назиданіе юности,— тогда соберете что нибудь. Жертвъ чистыхъ, дѣлаемыхъ по христіанскимъ побужденіямъ, найдется не много и, къ чести сказать, значительная часть ихъ принадлежитъ простому русскому люду, не рѣдко незнающему предѣловъ своимъ нуждамъ.

Вотъ каковъ, за незначительными исключеніями, нашъ нравственный обликъ! Мы удалились отъ Бога и Его закона, мы отвернулись отъ матери нашей Св. Церкви, мы обильно сѣяли беззаконія, вслѣдствіе чего и явились среди насъ сыны беззаконія, ослѣпившіе насъ мишурностью своихъ утопій, насидѣвшіе среди насъ безопасное гнѣздо, зачернившіе Россію своими гнустными злодѣяніями, свободно покушавшіеся нѣсколько разъ на убійство Государя и, наконецъ, лишившіе его жизни: праведникъ за неправедниковъ погибъ; любвеобильный, долготерпѣливый и милостивый немилосердо замученъ!

Какъ громъ, смерть Его поразила насъ; какъ ошаломленные мы бросались изъ угла въ уголъ, не зная что дѣлать и на что рѣшиться. Въ порывахъ справедливаго негодованія, мы готовы были свести съ лица земли злодѣевъ, но они ловко ускользали отъ взоровъ нашихъ и, какъ злые духи, то шныряли за предѣлы нашего отечества, то оставались среди насъ невидимками; только часть ихъ попала въ руки нашего правосудія и понесла кару вполнѣ достойную дѣяній ихъ. Но намъ отъ этого не легче,— намъ всетаки осталось на долю сожалѣть, скорбѣть и досадовать о своей вялости, своей неспособности, своемъ безсиліи противъ злодѣевъ, а главное, скорбѣть, плакать и воздыхать объ утратѣ

дорогого Монарха, сдѣлавшагося жертвою преждевременной насильственной смерти, вызванной злодѣями.

И велика была наша скорбь, обильны были наши слезы! Не какъ рабы господина, а какъ дѣти отца, мы хоронили Государя своего. Со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества стеклись люди разныхъ званій и состояній принять участіе въ отданіи Ему послѣдняго долга. Вспомните тѣ массы плачущаго и молящагося народа, которыя съ ранняго утра до поздняго вечера толпились у мѣста катастрофы и наполняли дворцовую площадь! Вспомните день выноса Почившаго изъ дворца въ Петропавловскій Соборъ, когда массами народа запружены были всѣ улицы, по которымъ должна была шествовать погребальная процессія! Вспомните, съ какимъ самопожертвованіемъ, въ неблагопріятное время года, цѣлые дни и ночи, въ безчисленномъ множествѣ народъ осаждалъ входы въ Петропавловскую крѣпость, чтобы пробраться къ останкамъ Почившаго и объ упокоеніи души Его вознести молитву къ Господу! Вспомните самый день погребенія Почившаго, когда не только исчислять, но и окинуть взоромъ присутствующихъ не было возможности! И какъ томительна, какъ грустна была послѣдняя разлука съ Почившимъ! Громовые раскаты орудій, извѣстившіе о послѣднемъ „прости“, были, можетъ быть, только слабымъ отголоскомъ тѣхъ вздоховъ и рыданій, которые вырывались изъ груди вѣрноподданныхъ россіянъ. Оставилъ насъ, Отецъ нашъ, оставилъ, можетъ быть, по грѣхамъ нашимъ, нашему нерадѣнію къ Твоимъ великимъ дѣламъ и начинаніямъ и нашему неумѣнью охранять Твою Священную Особу!

Тяжелыя чувства, грустныя мысли, какъ темныя тучи, облегли всѣхъ вѣрноподданныхъ сыновъ Россіи; внѣшній трауръ, соблюдаемый не рѣдко только ради обычая, сталъ знакомъ не сомнѣнной грусти, горести и печали.

Полились горячія молитвы объ упокоеніи души Почившаго; въ добавокъ къ тѣмъ вѣнкамъ, изъ которыхъ составлена была, на мѣстѣ катастрофы, временная часовня съ оградой и которыми заваленъ былъ гробъ Почившаго до времени сокрытія его въ могилу, стали приноситься новые для украшенія гробницы Его; съ разныхъ концовъ нашего отечества посыпались добровольныя пожертвованія, обѣщающія впереди, на мѣстѣ катастрофы, великолѣпный храмъ во имя всемогущаго Бога; во многихъ мѣстахъ, по почину народному, стали воздвигаться часовни въ память Почившаго, каковая воздвигнута уже и вашимъ усердіемъ, при полнѣйшемъ сочувствіи этому со стороны Его Императорскаго Высочества, В. К. Михаила Николаевича, при живомъ и дѣятельномъ участіи въ этомъ П. С. Шекаразина, М. А. Якубовича, Н. А. Книрима, Г. П. Филимонова и остальныхъ начальствующихъ завода. Что все это, — какъ не наглядные знаки нашего уваженія, нашей любви, признательности и благодарности къ Почившему? Что, какъ не доказательство нашего сочувствія, расположенія и одобренія къ понесеннымъ трудамъ и дѣятельности Его? Что, какъ не жестокій укоръ тѣмъ, которые трудились надъ порчею нашихъ нравовъ, развивали зло и подрывали уваженіе къ благимъ начинаніямъ и преобразованіямъ Почившаго? Что, какъ не торжество чести надъ безчестіемъ, добра надъ зломъ, добродѣтели надъ порокомъ и пр.?

И выведетъ Господь правду Почившаго, какъ свѣтъ, и справедливость Его, какъ полдень: не одна еще жертва принесется въ память Его и не одна горячая слеза благодарности ороситъ могилу Его! Народъ не останется непризнательнымъ къ Тому, Кто былъ его освободителемъ, его отцомъ и благодѣтелемъ; имя Александра II будетъ передаваться изъ рода въ родъ и, смѣемъ думать, останется на вѣки незабвеннымъ; потому-что всѣ

видимые знаки нашей любви, признательности и благодарности, которые мы успѣли уже оказать Почившему, всѣ они, безъ сомнѣнія, служатъ выразителями не кратковременныхъ только нашихъ чувствъ къ Нему, вызванныхъ роковою минутою и вмѣстѣ съ нею улетающихъ, не похвалъ только и одобреній за Его труды и дѣятельность на пользу отечества—этого было бы слишкомъ не достаточно для достойнаго чествованія памяти Его, но и нашего желанія, нашей готовности, нашей рѣшимости жить и дѣйствовать по мысли Его, нашего поворота на тотъ путь правды и истины, по которому Онъ шелъ и къ которому насъ направлялъ, въ теченіе всей своей жизни, а—это не можетъ не ручаться за увѣковѣченіе Его имени и не дать основанія сказать намъ: вѣчная твоя память!

Скажутъ, можетъ быть, что жизнь наша и дѣятельность идутъ по прежнему, что поворотъ нашъ на тотъ путь правды и истины, по которому шелъ Почившій и къ которому направлялъ насъ, остается подъ сомнѣніемъ, въ виду не рѣдко повторяющихся неправдъ и разнаго рода злодѣяній? Можетъ быть и такъ, можетъ быть, дѣйствительно поворотъ нашъ нельзя еще считать фактомъ совершившимся, но за то онъ, не сомнѣнно, для всѣхъ насъ фактъ желательный: человѣкъ бываетъ признательнымъ и благодарнымъ къ другимъ за добро тогда только, когда самъ чувствуетъ расположеніе къ добру. Вы устроили часовню въ память Почившаго — развѣ эта часовня, этотъ наглядный знакъ вашей любви, признательности и благодарности къ Нему, не говоритъ о вашемъ сочувствіи и расположеніи къ тѣмъ дѣламъ, которыя Онъ совершилъ и къ которымъ направлялъ насъ? — Непремѣнно говоритъ. И личность Почившаго тѣмъ драгоцѣннѣе въ глазахъ нашихъ, чѣмъ драгоцѣннѣе для насъ дѣла, совершенныя ею. А при такомъ условіи, если мы стоимъ те-

перь, положимъ, на рубежѣ между влеченіемъ собственныхъ страстей и побужденіемъ жить и дѣйствовать по мысли Почившаго, если страсти наши пользуются даже правомъ господства надъ нами, — у насъ всетаки не отнята еще возможность рано-ли поздно-ли овладѣть собою и поставить себя на тотъ путь, который теперь составляетъ предметъ нашихъ желаній: мы многое можемъ сдѣлать, если захотимъ, а мы должны хотѣть и домогаться того, что̀ служитъ къ достойному чествованію памяти Почившаго и нашему собственному благоустройству и благосостоянію.

Не уменьшая важности воздвигнутаго вами священнаго памятника, потому-что, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ служитъ наглядным знакомъ вашей любви, признательности и благодарности къ Почившему, поставимъ себѣ, при этомъ, вопросъ: будетъ ли этотъ памятникъ вполнѣ пріятенъ Почившему, если Его царственная воля, Его благія намѣренія и желанія останутся безъ исполненія съ нашей стороны? Какъ вы посмотрите на даръ человѣка, который хвалитъ ваши взгляды, ваши распоряженія, ваши дѣла, на словахъ сочувствуетъ имъ, но на дѣлѣ не только не содѣйствуетъ, а противодѣйствуетъ имъ? Не скажете ли вы такому: къ чему намъ твой даръ? Ты исполни лучше наши насущныя желанія, посодѣйствуй намъ въ нашихъ дѣлахъ, достоинства и важности которыхъ ты не отрицаешь на словахъ. Не скажетъ ли и почившій Государь, если мы не исполнимъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, Его воли и желаній: что мнѣ множество жертвъ вашихъ? — Если любите меня, слово мое соблюдите; дѣла которыя я сдѣлалъ для вашего счастія и благополучія и которыя перешли въ ваши руки, дѣла эти пусть будутъ исполнены, какъ слѣдуетъ, съ вашей стороны... Да, если мы воздвигнемъ и тысячи памятниковъ самой высокой цѣнности, а не исполнимъ воли и

желаній Почившаго, или будемъ исполнять какъ нибудь, нашъ даръ будетъ ничтожнымъ и мало пріятнымъ для Почившго; онъ будетъ говорить о нашихъ добрыхъ чувствахъ къ Почившему, но чувствахъ, кратковременныхъ, мимолетныхъ, вызванныхъ минутою и нимало не оправдываемыхъ ни предшествовавшей, ни послѣдующей нашей жизнію; онъ будетъ напоминаніемъ о маленькой искрѣ, которая когда-то засвѣтилась въ сердцахъ нашихъ, а потомъ вскорѣ и угасла. Намъ нужно раздуть, воспламенить эту искру такъ, чтобы она, попаливъ терніе страстей нашихъ, горѣла вѣчно и была всегдашнимъ путеводителемъ нашимъ на пути къ исполненію воли и желаній Почившаго. При такоиъ условіи, священный памятникъ, воздвигнутый вами, будетъ имѣть великое значеніе для Почившаго: служа выразителемъ нашихъ благодарныхъ чувствъ и нашихъ всегдашнихъ стремленій къ исполненію Его воли и желаній, онъ доставитъ Ему то, чего Онъ такъ пламенно желалъ, въ теченіе всей своей земной жизни,—доставитъ утѣшеніе, что правда и истина, столько Имъ любимыя, наконецъ, восторжествовали въ насъ.

При такомъ условіи, и наше собственное состояніе будетъ не сравненно лучшимъ. Поставившій себѣ цѣль: жить и дѣйствовать по мысли Почившаго, исполнять, по мѣрѣ силъ своихъ, Его волю и желанія, не дастъ мѣста многимъ изъ грѣховъ, которые теперь, какъ тля, разъѣдаютъ, какъ червь, подтачиваютъ наше семейное и общественное благосостояніе. Лѣность, пьянство, буйство, убійства, развратъ, хищенія, неправды и т. п. пороки, поражающіе теперь чуть ли не на каждомъ шагу, значительно сократятся, уступивъ мѣсто трудолюбію, трезвости, христіанскому смиренію, терпѣнію, кротости, честности и любви къ ближнему. Молодое поколѣніе—дѣти и внуки наши, скудные теперь добрыми сторонами

въ своей жизни и дѣятельности, вслѣдствіе оскудѣнія добрыхъ примѣровъ въ средѣ старшихъ, встрѣтивъ лучшіе примѣры, измѣнятся къ лучшему и принесутъ большіе отрады и утѣшенія, какъ для самихъ себя, такъ и для родителей или родственниковъ и всего государства: сѣмя добра, посѣянное въ юныхъ сердцахъ и тщательно оберегаемое отъ вредныхъ вліяній, не погибнетъ, а разовьется и вытѣснитъ собою тѣ плевелы зла, отъ которыхъ теперь и больно, и досадно и страшно; религіозный индефферентизмъ, охлажденіе къ вѣрѣ и Церкви потеряютъ свою силу и цѣну: молодой не захочетъ оставаться дома, или идти въ увеселительное заведеніе, когда старикъ пойдетъ въ церковь; устыдится своего невѣрія, когда старшіе будутъ вѣрующими; удержитъ языкъ и руку отъ зла, когда окружающіе будутъ тяготѣть къ добру; пагубное вольномысліе, распространенное лжепросвѣтителями, какъ соръ, развѣется и сами лжепросвѣтители, выростающіе теперь какъ грибы, и съ трудомъ искореняемые законной властію, не встрѣтивъ среди насъ благопріятной для себя почвы, порѣдѣютъ и изчезнутъ; миръ, спокойствіе и безопасность столь дорогія для насъ; благоустройство, счастіе и величіе Россіи столь желательныя для Почившаго, будутъ предметомъ не надеждъ только и ожиданій, но и дѣйствительныхъ исполненій.

Воспряни же, дорогой для почившаго Монарха россіянинъ! Пробудись отъ удручающей тебя грѣховной спячки, стряхни съ себя грѣховную пыль, навѣянную людьми неблагонамѣренными, зложелательными и охраняемую твоими собственными стараніями! Вспомни тяжесть трудовъ, понесенныхъ Почившимъ ради нашего общаго блага и нашего счастія: Онъ всю жизнь свою посвятилъ на дѣла любви къ намъ и поступкомъ самоотверженной любви закончилъ свое земное существова-

ніе (мальчикъ съ корзинкой на головѣ, павшій жертвою отъ перваго взрыва, привлекъ къ себѣ сердобольнаго Монарха, сдѣлавшагося жертвою отъ повторившагося взрыва)! Вспомни и, если не за Него, какъ уже почившаго, то за дѣла Его, за Его евангельскую правду всегда будь готовъ стоять и подвизаться. Простолюдинъ ли ты, выпущенный на свободу изъ крѣпостной зависимости, воспользуйся своей свободой на благо свое и благо ближнихъ; чиновникъ ли ты, избранный и поставленный на дѣло общественнаго служенія, исполняй свое служеніе по требованію закона; судія ли ты, призванный и поставленный мирить тяжущіяся стороны, не кривляй своею совѣстію, не суди, взирая на лица, но помни законъ и евангельскую правду; пастырь ли ты, поставленный руководить общественною совѣстію и поучать истинамъ вѣры и нравственности, веди свое дѣло не укоснительно—гдѣ нужно поучать,—поучай, а гдѣ порицать — порицай; учитель ли ты, обязанный воспитывать и обучать юношество, воспитывай и обучай, а не развращай; ученикъ ли ты, поступившій въ школу устроенную заботами Почившаго, занимайся дѣломъ, учись, а не лѣнись и не позорь дурными дѣлами разсадника просвѣщенія; всякій, на какомъ бы мѣстѣ кто ни состоялъ, къ какому бы званію и состоянію ни принадлежалъ, трудись честно, добросовѣстно, какъ повелѣлъ Богъ, какъ учитъ Его законъ и Св. Церковь — это будетъ самымъ лучшимъ ручательствомъ за наше общественное благоустройство и благосостояніе, самою прочною основою всѣхъ знаковъ нашей признательности и благодарности къ Почившему; это должно быть основою, краеугольнымъ камнемъ и воздвигнутой вами часовни въ память Почившаго.

При стремленіи установить свою жизнь и дѣятельность по волѣ и желанію Почившаго, при рѣшимости

доставить Ему отраду, хотя въ загробномъ состояніи, видѣть истинные плоды своихъ благихъ начинаній и преобразованій, не забудемъ послужить Ему и молитвами нашими. Нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ. И всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ садѣла, или блага или зла (2. Кор. V, 10). Этотъ неизбѣжный удѣлъ, страшный для самыхъ великихъ праведниковъ, страшенъ, безъ сомнѣнія, и для переселившагося отъ насъ Монарха нашего. Молитвы живыхъ за умершихъ ослабляютъ этотъ страхъ въ послѣднихъ и вселяютъ въ нихъ надежду на помилованіе и всепрощеніе. Молитвы наши за почившаго Монарха могутъ изгнать и въ Немъ этотъ страхъ и поселить надежду на помилованіе и всепрощеніе.

Зная, что почившій Монархъ изъ любви къ намъ, въ теченіе Своего двадцатишестилѣтняго (1855—1881 г.) царствованія, постоянно заботился о нашемъ счастіи и благополучіи, ужели же мы не позаботимся объ Его вѣчномъ благополучіи? Ужели не отплатимъ Ему за благодѣянія благодѣяніемъ, за любовь — любовію, — откажемъ Ему въ молитвахъ нашихъ? Нѣтъ — этого быть не можетъ, это не въ нашемъ духѣ; мы помнимъ благодѣянія и считаемъ священнымъ долгомъ за нихъ быть благодарными; мы не разъ уже молились объ упокоеніи души почившаго Монарха нашего; не разъ этотъ обширный дворъ (Патрон. Зав.) превращался въ молитвенный домъ, гдѣ мы съ возженными свѣчами взывали въ молитвахъ нашихъ: покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего! Это доброе начало, при возрастающемъ благоговѣніи къ трудамъ и памяти Почившаго, даетъ смѣлость думать, что молитвы наши за Него прекратятся только съ смертію нашею.

И дай Богъ, чтобы это было такъ: это отрадно

будетъ для Почившаго, да не безотрадно и для насъ самихъ. Смѣемъ думать, что, если не по силѣ молитвъ нашихъ, то за царственные труды на благо и счастіе подданныхъ, за глубокую преданность вѣрѣ и Церкви, за страданія и мученическую кончину, Господь не вмѣнитъ Почившему грѣхи человѣческой немощи и даруетъ Ему вѣнецъ славы. Молитвы наши, какъ знаки нашей заботливости о благополучіи Почившаго, вызовутъ тогда на новыя благодѣянія къ намъ Почившаго. Предстоя престолу Всевышнаго, вмѣстѣ съ другими праведниками, Онъ непремѣнно будетъ ходатаемъ, радѣтелемъ и молитвенникомъ за наше отечество, за благополучіе, благоденствіе и спасеніе всѣхъ насъ. Какая неоцѣненная радость! Почившій отецъ и благодѣтель нашъ останется отцомъ и благодѣтелемъ нашимъ и въ вѣчности; заботясь о нашемъ счастіи и благополучіи на землѣ. Онъ не прекратитъ этихъ заботъ и на небѣ: больши сея любве никто же имать; больше сего не требуется и свидѣтельствъ о любви къ намъ Почившаго.

Будемъ просить Господа, чтобы Онъ Самъ устроилъ нашу жизнь и дѣятельность по мысли Почившаго, Самъ расположилъ насъ молиться о вѣчномъ счастіи и благополучіи Отца и Благодѣтеля нашего, Самъ содѣлалъ устроенный вами священный памятникъ и мѣстомъ Своего пребыванія и всегдашнимъ—вѣчнымъ свидѣтелемъ на небѣ и на землѣ о нашей признательности, нашей благодарности къ Почившему и нашей посильной готовности платить Ему за любовь любовію.

Священникъ Іоаннъ Пановъ.

С.-Петербургъ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 3 Августа 1882 г.
Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45.)